В.А. Кашин,
Советник Интеграционного Комитета ЕврАзЭС,
Государственный советник налоговой службы II ранга,
доктор экономических наук

Как в интеграции не повторить ошибки и не сделать новые

Интеграция должна быть эффективной. Другими словами, само пространственное расширение ее рынка должно приводить к повышению эффективности всех положительных процессов на нем. Возможно, с этой точки зрения десятилетие, отмечаемое сейчас ЕврАзЭС, еще недостаточный срок для подведения основательных итогов. В таком случае, однако, у нас, что называется, под рукой есть примеры интеграционного развития, которые уже вполне можно оценить и которые могут привести к некоторым полезным выводам. Первый пример – Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), второй – Европейский союз (ЕС).

СЭВ просуществовал немногим более 40 лет, и заложенная в его основу идея «политического» (по договоренности на межгосударственном уровне) разделения труда сработала положительно – в отношении роста объемов производства и обеспечения занятости. За первые 25 лет экономический потенциал стран – членов СЭВ вырос в несколько раз. В 1975 году на их долю приходилась треть мирового промышленного производства, в них фактически отсутствовала безработица. Но, как оказалось, все это – за счет потери в эффективности. Предприятия стран СЭВ, обеспеченные гарантированным сбытом своей продукции и не ощущавшие конкурентного воздействия со стороны внешнего, мирового рынка, отставали и в инновационной сфере, и по темпам роста производительности труда. Избранный метод административного понуждения к инновациям и механическое повышение норм выработки – вначале, и применение некоторых экономических стимулов – несколько позже, не срабатывали. Особенно в сравнении с силами рынка, которые в странах Запада действовали по императиву: «отстал–упал–пропал».

Состоявшийся затем политический роспуск СЭВ в реальности просто запротоколировал уже свершившийся факт: экономического единства не сложилось, по эффективности производства соревнование с Западом оказалось проигранным. С СЭВ легко расстались как восточноевро-

пейские соседи СССР, так и сам СССР – в лице его новых лидеров, которые в непростой экономической ситуации предпочли просить помощи у Запада, нежели всерьез задуматься об изменении методов управления экономикой. «Развод» как наиболее легкий путь отодвинуть (не решить!) проблему недостаточной эффективности производства выбрали затем и лидеры Чехословакии. Затем распалась Югославия и за ней едва не последовала и Россия.

На самом же деле никаких катастрофических обстоятельств, оправдывающих такие резкие политические повороты, к этому времени не случилось. Оставались производственные мощности (может, довольно изношенные, но все же не тотально разрушенные, как в Германии и Японии), сохранялась масса квалифицированных работников, желающих применить свои силы и умения. Был и огромный рынок сбыта. Практически в такой же ситуации Л. Эрхард, отец послевоенного экономического возрождения Германии, просил от внешнего мира только сырья: «в настоящее время нам требуется сырье, и еще раз сырье!» (в своем выступлении 28 августа 1948 года).[1] Много позже Китай продемонстрировал опыт модернизации исключительно собственными силами – и при сохраняющемся правлении компартии привлекает на свою территорию капиталы, убегающие из стран с самыми широкими «политическими» и «рыночными» свободами.

А ведь Россия недостатками сырья никогда не страдала. Так, если вспомнить, иностранные капиталы потоками притекали и в царскую Россию – «тюрьму народов».

Возьмем теперь опыт ЕС. Объединялись страны – недавние враги, и вначале политическая воля также превалировала над экономическими потребностями. Но и сразу же в этот процесс включились крупные компании угля (Франция, Бельгия) и стали (Германия, Люксембург) – и интеграция получила импульс на прагматическом, корпоративном уровне. Затем в Сообществе легализовали свободу занятости, свободу перемещения рабочей силы – и новый импульс интеграции возник уже на бытовом, человеческом уровне. Важно и то, что ядро интеграции – первоначальная «Шестерка», создавшая Европейское экономическое сообщество (Франция, Германия, Италия, страны Бенилюкс), – занимала лидирующие позиции в Европе по промышленному развитию, финансовому потенциалу, уровню жизни. Отсюда и дополнительный импульс «притяжения» (для всех остальных стран Европы), который также «подстегивал» – снизу и изнутри процессы европейской интеграции.

Шенген – кульминация этого процесса, но именно после Шенгена начались разговоры о возможном распаде ЕС, многие эксперты стали высказывать мнение, что процесс зашел в тупик и что для некоторых стран было бы выгоднее выйти из ЕС. Характерно, что об этом меньше говорили в Великобритании, которая долго медлила с вступлением в Сообщество и так и не перешла на евро, а впервые о крахе надежд, связанных с общеевропейской интеграцией, заговорили в Италии, затем – во Франции. И – самое тревожное – сильные политические антиинтеграционные группы появились теперь и в Германии. Последний финансовый кризис сильно укрепил их позиции, и Германия с поддержавшей ее Францией уже заявили, что они не собираются «в одиночку» принимать на себя груз общеевропейских проблем. Поскольку буквально за несколько лет курс евро к американскому доллару обрушился больше чем наполовину (напомним, что в «корзине» евро немецкая марка занимала ведущее место, а ее курс к доллару рос практически во всем послевоенном периоде), то неудивительно, что в Германии сейчас появились сторонники возврата к марке, во Франции – к франку (а в Италии – к лире). Нужными аргументами их снабдили примеры оказавшихся более финансово благополучными Швейцарии и Швеции, сохранивших соответственно франк и крону, и Норвегии, также не принявшей евро и даже не вступившей в ЕС.

[1] Эрхард Л. Полвека размышлений. – М. 1993. – с. 101.

Тревожным «звонком» для европейской интеграции стало и появление новых центров «экономической силы»: глобального тихоокеанского (в составе Китая вместе со странами ЮВА, с подключением Японии и также заинтересованных в развитии этого региона США, Канады, Мексики, Чили и других стран Латинской Америки) и мощного североамериканского блока НАФТА (в составе США, Канады и Мексики).

Но если СЭВ сам исчерпал себя, поскольку не смог перейти от политики межгосударственной взаимопомощи к практике взаимовыгодного партнерства, сотрудничества граждан и предприятий, то у трудностей общеевропейской интеграции, очевидно, другие причины. Эти причины были и до кризиса, который только сильнее их обнажил. Среди них – причины частного, внутриевропейского характера и причины более общие, связанные с «разладкой» всего мирового финансового механизма.

Первые причины лежат на поверхности, их не надо искать, и они, так же как и в СЭВ, связаны с политикой. Только если в СЭВ политика тормозила распространение интеграции «вниз», а навязанное «сверху» разделение труда не показало своей эффективности из-за игнорирования частных интересов на уровне граждан и предприятий, то в ЕС политики, наоборот, поспешной интеграцией «сверху» нарушили уже сложившееся к этому времени естественное разделение труда между странами. С тем же результатом потери в эффективности (с появлением еще и прямой угрозы для самой интеграции).

Действительно, мировой кризис, начавшийся в финансовом секторе США, в Европе с наибольшей силой поразил Грецию и Испанию – страны, где финансовый сектор далеко не так развит, как в Великобритании, Германии и Франции, не говоря уже о Швейцарии и Люксембурге.

В чем же дело? По сложившей в Европе системе разделения труда обе эти страны специализировались на туризме, чему способствовали обилие солнца, теплое море и дешевые продукты – и вообще стоимость всех туристских услуг. Для европейцев из более северных стран – и даже для студентов и пенсионеров с их ограниченными доходами – было выгодно просто проводить там свободное время. И сами местные жители предпочитали там питаться вне дома: вкусно, обильно, при этом дешевле, чем готовить самим.

Но вот в этих странах ввели НДС и евро, и цены подскочили до общеевропейского уровня (по НДС еврокомиссары сразу предписали минимальную ставку в 15%, а фактически, под предлогом поддержания бюджетной стабильности, НДС везде был установлен на уровне 20 и более процентов. Что сразу подкосило систему традиционного дешевого общепита; с введением евро торговцы повсеместно стали «приводить» цены к европейскому «единообразию» – естественно, в сторону повышения, хотя отставание зарплат на европейском Юге от европейского Севера по-прежнему оставалось).

Теперь о причинах уже глобального характера. Считается, что мировая экономика в целом действует в рамках развитого товарно-денежного обмена и основывается на возмездных денежных отношениях. «Возмездность» в этих отношениях означает, что товары и услуги предоставляются на платной основе, что при нехватке средств на приобретение желаемого товара или услуги покупатель либо воздерживается от покупки, либо прибегает к кредиту и затем как должник в срок и полностью погашает свои долги. А под «денежностью» этих отношений понимается то обстоятельство, что все обмены между хозяйствующими субъектами оцениваются в деньгах и ни один из этих субъектов не в состоянии воздействовать на стоимостное значение денег.

Эти общеизвестные постулаты теории товарно-денежного хозяйства (или, как модно сейчас говорить, – рыночной экономики) отменены и не действуют в сфере экономических отношений между странами на протяжении уже примерно 50 лет. Что и являет-

ся основной причиной нынешнего коллапса мировой финансовой системы.

В сфере межгосударственных экономических отношений должники не платят (и не намерены платить) своих долгов – и это прямо предусмотрено действующим сейчас мировым финансовым механизмом. Международный валютный фонд требует от всех государств накопления валютных резервов в так называемых мировых резервных валютах, в качестве которых сейчас признаются доллар США и евро. Но накопление резервов в этих валютах автоматически создает ситуацию бессрочного и бесплатного кредитования США и ЕС со стороны всех остальных стран мира. Соответственно США и ЕС накапливают долги, по которым не намерены когда-либо расплачиваться. В любой рыночной системе наличие таких должников означает скрытую бомбу, которая неизбежно когда-то должна взорваться. При существующей взаимозависимости всех участников современной хозяйственной системы неплатежи одного крупного должника в цепном порядке ведут к краху всей системы.

При этом США не только не поддерживают постоянное стоимостное значение своей валюты, но и сняли с себя все обязательства по оплате долговых требований других стран, выраженных в долларах (изначально США брали на себя обязательство обменивать доллары на золото, хотя и ограниченное – только перед центральными банками). Таким образом, сейчас фактически вся мировая хозяйственная система функционирует на базе мерителя с постоянно падающим количественным значением – равносильно тому, как если бы при строительстве некоторого хозяйственного объекта пользовались метром, который в начале строительства равнялся бы 100 сантиметрам, затем – 90, 80, 70 и т. д.

Сегодня именно эти ничем не обеспеченные долги США и ЕС – стран, которые до последнего времени были уверены, что им никогда не придется платить по ним, как раз и формируют огромную массу так называемых «горячих денег» (евродоллары, евровалюты и т.д.), свободно кочующих по всему миру, расшатывая денежные системы и подрывая фондовые рынки. Эти же деньги создают питательную почву для формирования капиталов организованной преступности. Именно они, «горячие деньги», и стали катализатором разразившегося сейчас мирового финансового кризиса.

Эти деньги – лишние, с точки зрения потребностей мировой финансовой системы. При правильном ее функционировании они вообще не должны были возникать. На самом деле, несмотря на все заявления экономистов монетаристского толка, ни в какой «монетизации» мировая экономика вовсе не нуждается.[2] Наоборот, именно усиленная долларовая «монетизация» международных финансовых отношений и вызвала современный кризис всей этой системы – включая и ее общую криминализацию.

Таким образом, можно считать установленным, что причины современного финансового кризиса заключаются в том, что:

а) США и ЕС под видом необходимости формирования международных валютных резервов обеспечивают себе бесплатное и

[2] Приведем пример двух хозяйствующих субъектов, которые осуществляют между собой встречный обмен товарами. Если до этого некоторого цикла деятельности они рассчитываются между собой «ровно», то им деньги в обороте вообще не нужны (однако деньги нужны как средство соизмерения *стоимостей* обмениваемых товаров). Аналогичным образом дело обстоит и с торговлей между странами. Проблема возникает только тогда, когда один из контрагентов уклоняется от оплаты приобретенных товаров, предоставляя вместо этого свои долговые расписки. Если получатель этих расписок затем пускает их в денежный оборот, то возникает несоответствие между суммой денежных инструментов в обороте и объемом товарооборота. Это несоответствие устраняется, когда эмитент долговой расписки выносит на рынок свой товар и изымает долговую расписку. Если же этого не происходит, то расписка может функционировать в обороте ровно до тех пор, пока рынок сохраняет доверие к ее эмитенту, и как только кредит такого доверия исчерпывается, возникает первая заминка в денежном обороте, которая затем может вызвать цепочку неплатежей и всеобщий кризис.

бессрочное кредитование со стороны других стран мира;

б) спусковым крючком для лавины международных платежей являются внешние долги США, покрываемые неконтролируемой эмиссией наличных и безналичных долларов;

в) с подачи США для недобросовестных долларовых должников на международной арене открывается возможность произвольно сокращать суммы своих долговых обязательств, используя для этого «отвязку» стоимостного значения доллара США не только от золота, но и вообще от любого объективного показателя.

В результате возникает уникальная ситуация, когда международные валютные активы и международные валютные резервы формируются за счет прироста долговых обязательств частных банков (ФРС) и наращивания суверенного долга одной страны – США. При том, что правительство США открыто и официально заявило о снятии с себя какой-либо ответственности за стоимость денежной единицы, в которой исчисляется абсолютный объем этих долговых обязательств.[3]

Отсюда можно прийти к заключению, что любые эффективные меры по выходу из мирового финансового кризиса должны быть направлены на устранение именно этих причин, а не на показную борьбу с их непосредственными или более отдаленными последствиями. Среди них нужно выделить комплекс мер, направленных на реформирование международных финансовых отношений и, на национальном уровне, перестройку регулирования кредитно-денежной системы.

Таким образом, международные финансовые отношения уже на протяжении более полувека функционируют без применения денег, на базе американского доллара, «цена» и обменный курс которого определяются его бесконтрольной эмиссией со стороны правительства США. Между тем, и в науке, и среди экономистов-практиков давно укрепилось мнение, что судьбу мировой финансовой системы нельзя оставлять в руках правительства (любого, хотя бы даже и не столь безответственного, как правительство США). Ими разработаны целый ряд достойных рассмотрения предложений, включая «приватизацию» денег (вывод денег из-под ведения правительства, предлагаемый экономистами австрийской школы), возврат к золотому стандарту, введение региональных валют и проч.

Для интеграционных процессов, развивающихся сейчас в ЕврАзЭС, и Таможенного союза в рамках Сообщества, все эти вопросы имеют первостепенное значение. При этом следует еще раз подчеркнуть, что, как показывает опыт, интеграция должна быть эффективной не только сама по себе, но и с точки зрения экономических интересов всех сторон, участвующих в ней. Для этого можно предложить ряд мер, не только обеспечивающих эффективное сопровождение интеграционных процессов, но и существенно снижающих необходимые финансовые издержки и повышающих безопасность проведения операций участников рынка и населения в целом в масштабах и Сообщества, и Таможенного союза.

Во-первых, следует повысить уровень ответственности государства за состояние расчетов и вообще за поддержание высокой платежной дисциплины. Для этого в Таможенном союзе в рамках ЕврАзЭС, а затем и в Сообществе следует создать единую общую Платежно-расчетную систему (ПРС), в которой для каждого физического лица (а в дальнейшем, возможно, и для юридических лиц) будет открыт его личный жиро-счет (с номером, повторяющим его налоговый или социальный идентификационный номер) – по типу единого международного банковского счета, введенного в ЕС. В рамках этой системы все переводы по личным жиро-счетам должны проводиться бесплатно, с ограничением на суммы и частоту таких переводов (например, каждый – в эквиваленте до

[3] 15 апреля этого года член Правления ЕЦБ Юрген Штарк заявил, что «мировая экономика уже, возможно, вступила в следующую фазу кризиса – в кризис суверенного долга» – Цит. по НБЖ. – 2010. – №5. – С. 34

50 долл. и не более трех переводов в день). Единственное исключение – для обязательных платежей в виде налогов, административных штрафов и выплат по решениям судов.

ПРС должна быть создана как совместное финансовое учреждение стран-членов. Его правовой статус – казенное предприятие, оно не имеет акций (что исключает биржевую игру на их курсе) и не имеет частных акционеров (которые могли бы вмешиваться в его деятельность в своих частных интересах). Надежность ПРС по линии активных операций обеспечивается запретом на любые спекулятивные операции на фондовом и валютном рынке и ограничениями на кредитные операции. Основная доля свободных средств ПРС должна вкладываться в ликвидные государственные облигации и в безрисковое ипотечное кредитование.

Деятельность межгосударственной ПРС создаст необходимый «островок безопасности» от банковских рисков (и граждане, и частные компании, и наши государства уже неоднократно несли потери из-за действий недобросовестных банкиров), создаст более высокую конкуренцию на банковском рынке (ограничит «аппетиты» частных банков, нередко взимающих непомерные комиссии и платы за переводы) и позволит накопить определенный фонд денежных средств, который может использоваться в том числе и для финансирования интеграционных мероприятий.

Во-вторых, следует поставить задачу укрепления государственного регулирования и в отношении биржевой деятельности. Действительно, в современных условиях игра на бирже фондовых и товарных спекулянтов ничем не отличается от любой другой азартной игры – на тотализаторе, в казино, через букмекерские конторы и др., но ее возможные последствия далеко не сравнимы с потерями за карточным столом. Соответственно и социальная, экономическая, финансовая опасность для общества от азартных игр на бирже много выше, чем в сфере традиционных азартных игр.

В-третьих, предлагается ввести определенные финансовые и фискальные ограничения в отношении операций, проводимых через международные оффшорные центры и с так называемыми «горячими (анонимными) капиталами».

На международном уровне такого рода действия уже получили некоторую поддержку. Например, на уровне ЕС, который добился принятия рядом стран – международных финансовых центров обязательства собирать налог с доходов резидентов стран–членов ЕС, получаемых на их вклады в банковских учреждениях этих центров, и затем перечислять суммы этих налоговых сборов в казну соответствующих стран–членов ЕС. Кроме того, страны ЕС и США усиливают нажим на международные финансовые центры в сторону предоставления им полной информации о банковских счетах, открытых их гражданами в этих центрах.

В рамках Таможенного союза или Сообщества рекомендуется предпринять аналогичные действия в отношении получения информации о банковских счетах, постараться заключить аналогичное соглашение о взыскании в их пользу налогов с процентов по счетам их граждан в международных финансовых центрах, а также установить специальный налог на международные «спекулятивные» валютные переводы (то есть за исключением оплаты товарных сделок и расчетов по ссудным операциям) – идея нобелевского лауреата Дж. Тобина – с дифференцированными (в сторону повышения) ставками для операций с оффшорными центрами и для сделок, в которых стороной (сторонами) выступает номинальный собственник (собственники).

Кроме того, следует подумать так же и о диверсификации совместных фондов или резервов, которые могут создаваться на уровне Союза или Сообщества. И если ставить вопрос о создании новой совместной валюты, то желательно сразу поставить ее на прочную товарную основу (а это несложно; для рубля, например, достаточно установить, что

российская нефть продается только за рубли и только по твердой цене, составляющей, к примеру, для начала 12 тыс. рублей за тонну).

И последнее. Пора решить вопрос о создании регулятора, отвечающего за состояние финансового рынка в целом (а не только за деятельность учреждений, получивших официальную государственную лицензию). Этот регулятор должен взять под свой контроль деятельность любых лиц, юридических или физических, которые в той или иной мере занимаются публичным привлечением денежных средств для целей осуществления с ними действий, направленных на извлечение прибыли. Такая деятельность может осуществляться с получением лицензии или без таковой, с использованием рекламы или по системе сетевых связей, через зарегистрированное учреждение или в режиме он-лайн торговли. Но в любом случае уже сам факт осуществления такой деятельности должен привлекать внимание регулятора – в плане соблюдения норм и ограничений, установленных для такого рода деятельности, и налоговых органов – в отношении исполнения норм ведения учета, составления отчетности и уплаты налогов.

И при поставленной задаче формирования Единого экономического пространства государства – члены ЕврАзЭС должны единообразно решать вопрос о создании финансового регулятора. Пока, видимо, рано говорить о создании единого регулятора для ЕврАзЭС в целом, но договариваться об общих функциях и принципах работы регуляторов, создаваемых в каждой стране Сообщества, надо уже сейчас.

В заключение можно и нужно отметить, что весь опыт, накопленный и нашими странами, и в других зарубежных странах, показывает, что в деле интеграции в равной степени опасно как отставать от жизненной практики, так и забегать вперед, ускоряя мероприятия, для которых пока еще не сложились должные условия и обстоятельства. Политика может обгонять экономику, но на новых рубежах нельзя будет закрепиться без соответствующего подтягивания экономических тылов.

Ключевые слова: трудности общеевропейской интеграции; мировой кризис; интеграционные процессы в ЕврАзЭС и ТС; регулятор состояния финансового рынка; Единое экономическое пространство.

Keywords: difficulties of the pan-European integration; world crisis; integration processes in the EurAsEC and in the CU; a regulator of a condition of the financial market; Uniform economic space.